

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

© 2005 Л.Д. Федосеева
УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)521
Ф 22

Меновая торговля с горским населением на восточном берегу Черного моря в первой половине XIX в.

Аннотация:

В статье показан процесс развития торгово-экономических и культурных связей адыгов с русским населением на восточном берегу Черного моря в первой половине XIX в. Раскрывается значение как меновой формы торговли, так и появление таких новых – ярмарочная, базарная, откупная и т.д.

Ключевые слова:

Меновые дворы, ярмарочная торговля, базарная торговля, кредитно-ростовщические сделки, векселя, Посполитати, винная монополия, ассортимент товаров, карантинное отделение, торговые лавки.

Начиная с конца XVIII в. в связи с заселением русскими правобережья Кубани наступает новый этап в русско-адыгских отношениях. Этот этап характеризуется развитием торгово-экономических и культурных связей адыгов с русским населением Прикубанья.

С момента поселения Черноморского казачьего войска на Кубани между русским населением и адыгскими племенами начался оживленный торговый обмен. Предпосылками его были, с одной стороны, стремление массы свободного горского населения получать русские товары за счет сбыта своих изделий и продуктов, с другой стороны, потребность русского населения Черноморья в горских товарах, в том числе и в хлебе, в первые десятилетия после переселения Черноморского казачьего войска на Кубань.

Адрианопольский договор 1829 г. создал условия для развития горско-казачьей торговли на Черноморском побережье и вытеснения из этого региона турецкой торговли. Спустя несколько месяцев после взятия русскими войсками в 1828 г. крепости Анапы, началась торговля между гарнизоном и окрестным населением. В предписании атамана Черноморского казачьего войска А.Д. Бескровного говорилось: «По окончании переговоров, происходивших с натухайским простым народом, заключение с ним мирных условий и взятии аманатов,... предлагаю открыть с ними мену у полевых ворот Анапской крепости, которую производить два раза в неделю в понедельник и в четверг. – О чем от меня объявлено мирному натухайскому народу, а Вы объявите о том российским купцам с тем, чтобы они, кто пожелает вывозили на место мены соль и прочие товары».¹

В 1830 г. были приняты временные правила для меновой торговли в Анапе.² Царское правительство понимало, что взамен утраченных горским населением так необходимых им турецких товаров, оно должно было организовать снабжение их русской продукцией. В своем отношении к М. С. Воронцову от 3 июня 1830 г. тайный

советник Родофиникин отмечал, что меновая торговля в Анапе развивается неудовлетворительно, указывал на сохранение османской контрабандной торговли и тут же подчеркивал, что для развития торговли горцев в Анапе «...желательно, чтобы они находили в означенном городе достаточное количество оных, которое могло бы вознаградить для тех народов невольное лишение способов торговать с турками».³ Родофиникин предлагал привлечь к торговле с адыгами на Черноморском побережье русских промышленников. В рапорте Кодинца в Азиатский Департамент Министерства иностранных дел от декабря 1831 г., также говорилось об упадке меновой торговли в Анапе. Он просил открыть мену с горцами в Великолагерном и Славянском меновых дворах.⁴

После создания русских укреплений на восточном берегу Черного моря их гарнизоны начали меновую торговлю с горским населением. Русские купцы из Феодосии в начале 30-х гг. XIX в. просили Керчь-Еникальского градоначальника разрешить им осуществлять торговлю с адыгами в Пшаде и других пунктах северо-восточного берега Черного моря. Градоначальник обратился к наказному атаману Черноморского казачьего войска Н. С. Заводовскому о возобновлении торговли с горскими народами, живущими по восточному берегу Черного моря: «По ходатайству моему у господина министра финансов о возобновлении торговых сношений с черкесами и абазинцами по восточному берегу Черного моря от Анапы до Сухум-Кале, ... его сиятельство вошел с представлением в Комитет господ министров».⁵ Согласно представлению графа Воронцова по этому вопросу, 17 декабря 1835 г. последовало высочайшее повеление впредь до издания нового положения о порядке торговых сношений с горскими народами по восточному берегу Черного моря:

«1. ...разрешить отправление купеческих судов только в такие места по сему берегу, в коих находятся российские войска.

2. Наблюдение за черкесскою торговлею возложить на Керченского градоначальника под ведением новороссийского генерал-губернатора.

3. Во всех прочих отношениях оставить сию торговлю на основании высочайше утвержденных 10 октября 1821 г. правил и высочайшего указа 13 марта 1835 г.»⁶

После выхода этих правил торговля с горцами сохранялась в прежних размерах, так как ее развитию препятствовало разрешение купцам торговать только в тех местах побережья, где были расположены войска России. К тому же царскими властями контролировались лишь немногие пункты северо-восточного берега Черного моря: Сухум-Кале, Бомберы, Пицунда, Гагры и Геленджик, а купцы указывали на необходимость разрешения торговли в Пшаде, Вулане, Суджук-Кале, Туапсе и других. Большое количество удобнейших для торговли мест населенного адыгами Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа находилось вне контроля царских властей. Из 25 пунктов побережья от Анапы до Редут-Кале, через которые можно было иметь свободные связи с горцами, лишь в пяти пунктах, как указывал М. С. Воронцов, могли отправляться купеческие суда из России.⁷

Этим положением довольно успешно пользовались османские контрабандисты. Они вели контрабандную торговлю солью, порохом, свинцом, мануфактурой, невольниками с Турцией. В отношении к барону Г. В. Розену от 12 августа 1832 г., граф Нессельрод сообщал: «...Издrevле на восточном берегу Черного моря от Анапы до границы Гурии, производим был торг невольниками; со времени присоединения того края к Империи Российской торг сей существовать не может».⁸ В обязанность военных крейсеров входило задерживать все суда как контрабандные, которые вели торговлю в таких пунктах, где нет ни карантинных, ни таможенных учреждений. Эти суда предписывалось, в силу действующего закона, отводить в наши порты. Согласно высочайшего указания, если среди задержанных судов оказались суда с невольниками, то «...из сих: взрослых, помнящих родство, возвращать на родину, а малолетних обоого пола, родства не помнящих, отдавать в ближайшие приказы общественного призрения».⁹ По ходатайству графа М. С. Воронцова в 1836 г., для нанесения удара по контрабандной торговле, последовало высочайшее разрешение русским купцам «на собственный их риск, согласно их заявлений, производить торговлю хотя в Пшаде».¹⁰

Данное разрешение производить торговлю с горцами на Черноморском побережье имело большое значение, потому что предусматривалась беспощинная торговля с ними. В качестве комиссаров для посредничества в торговле с горцами, по мнению Г. В. Розена, можно было использовать чиновников Тауша и Люлье, хорошо знающих язык и обычаи адыгов.

Так как торговля с адыгами осуществлялась в основном меновым способом, русские купцы недостаточно часто посещали берега Кавказа. В связи с этим в 1836 г. генерал А.А. Вельяминов предложил устроить при береговых укреплениях постоянные торговые лавки, создать склады для товаров, принадлежащих этим купцам.¹¹

Царское правительство разрешило русским купцам частную торговлю с горцами на Черноморском побережье

Кавказа. Надо отметить, что русские вольнопромышленники, и среди них крепостные крестьяне, поддерживали оживленные торговые связи с адыгами. Стремление горцев к торговле с Россией было столь велико, что в середине 30-х гг. XIX в. прибрежные жители возили свои товары из Псезуапе и других мест через все Закубанье на продажу в Екатерине дар.¹² Екатеринодар стал центром оживленного товарного обмена, привлекая к себе большое количество местного казачьего населения, торговцев из внутренних губерний и закубанских черкесов с их товарами.

В 1834 г. через Екатеринодарское карантинное отделение, как на правый берег Кубани, так и за Кубань было пропущено большое количество товаров.¹³

В этом же году через Усть-Лабинскую карантинную заставу было пропущено за Кубань: 467 штук холста, ситцу, полотна, нанки, 6 кож, 3858 пудов 30 фунтов соли. Кроме того, жителями Усть-Лабинска «перепущено на закубанскую сторону» денег 1503 руб. 20 коп., хлеба печеного 4 пуда 28 фунтов, булок на 3 руб. 10 коп., лошадей 17, быков 20. Привезли горцы через Усть-Лабу в 1834 г. следующие товары: 438 пудов меду, воску, сала, масла, лошадей 24, рогатого скота 216, шкур 3592, кож 1298, бурок 3, арб 48, хворосту 18 сажень, вил 284, ободьев 270, груш и яблок 1446 мер.¹⁴

Особенностью русской торговли с горцами, начиная с 1834 г., стала возрастающая роль денег, на которые горцы уже покупали русские товары. Исходя из вышеизложенного видно, что на Екатеринодарском меновом дворе они уплатили за часть купленных ими товаров 7932 руб., а на Усть-Лабинской карантинной заставе – 1503 руб. 20 коп. Поэтому в отчетах смотрителей меновых дворов, начиная с 1835 г., появляется новая специальная графа «продано горским народам на наличные деньги».¹⁵ Так русские деньги постепенно начинают играть все более значимую роль в горской торговле.

Многие адыги проявляли стремление к торговле. Так, подвластные владельческому ворку Тимиргойского владения Карбичу Ахметукову «черкесы Мишавост Хатук, Гасан Темрюк и Неик Дахут,- как сказано в рапорте инспектора Екатеринодарской карантинной конторы А. П. Пулло командующему Черноморской кордонной линии Малиновскому,- имеют желание прибыть в город Екатеринодар на будущую первого октября покровскую ярмарку, почему просят принять их для очищения в Редутский карантин, и пропустить в Екатеринодар, с имеющимися у них товарами».¹⁶ С подобными просьбами к Пулло обращались хамышевский дворянин Байлан Кулуков, дворянин Хотовзук Батук, закубанский Бей Шеретлук Гадемук, дворяне Дадурок Бжегак и Наурза Шумнух.¹⁷ Это подтверждает стремление горцев иметь мирные сношения с русскими и вести с ними торговлю.

Говоря о развертывании горской торговли, надо отметить появление на русских меновых дворах, ярмарках мелкого адыгского купца, который все более энергично начинал заниматься торговлей. Описи товаров позволяют судить о масштабе этой торговли. Ведомости о товарах, ввезенных в Черноморию от горских народов через Екатеринодарский карантин с 28 марта по 4 апреля 1834 г. «простым черкесом», подвластным прапорщику Шеретлуку Гадемуку, значатся: кож бычьих и буйволовых – 150, лисьих – 21, заячьих – 4, масло тулуков – 6, сало говяжьего – 36. Ворк Хотовзук Батук привез в Екатеринодарский

центральный карантин «для очищения» меду – 80 пудов, масла коровьего – 40 пудов, сала говяжьего – 20 пудов, кож овечьих – 40, заячьих – 120, буйволоховых – 11, медвежьих – 5.¹⁸

Таких мелких купцов, постоянно приезжавших с товарами на русские рынки, к концу 40-х годов насчитывалось уже несколько десятков. Общий оборот меновых дворов в 1835 г. выразился в сумме 193811 рубля 68 копеек серебром. Стоимость русского вывоза составляет 76360 рубля 85 копеек. На меновые дворы горцами было привезено своих товаров на сумму 117450 рублей 83 копейки.¹⁹

Увеличился ассортимент отпускавшихся горцам товаров: шелк, холст тонкий, зеркала, басма, миткаль, сундуки окованные и окрашенные, вата.²⁰ Спрос русских покупателей возрос на продукты горского животноводства, охоты, продуктов питания.

К 1839 г. общий оборот меновых дворов увеличился. Через Екатеринодарский карантин русских товаров было пропущено на 100912 рублей 75 копеек, а горцы ввезли своих товаров на 175203 рубля 78 копеек.²¹

В интересах развития внутренней торговли в 1842 г. учреждено войсковыми властями «Торговое общество казаков Черноморского казачьего войска». Оно было создано, чтобы черноморские казаки имели право везде свободно покупать и продавать оптом и в розницу не только продукцию своего края, но и все изделия русских и иностранных мануфактур, заводов и фабрик, разрешенные законами; создавать промышленные предприятия. К числу задач этого общества относилась организация через меновые дворы, базары и ярмарки «мирных» торговых сношений с закубанцами, создание разного рода войсковых промыслов – соляного, рыболовного, кирпичного и других, которые сдавались на откуп и в аренду параллельно, по мере обживания казаками Черномории.

За пять лет с 1841 по 1845 гг. через Екатеринодарский карантин было пропущено горским народом товаров на сумму 125846 рублей 7 копеек, а вывезено «горских произведений» на сумму 143983 рубля 70 копеек.²³

Из вышеприведенных данных видно, что меновая торговля с горцами в 1845 г. «приняла так же развитие, какого нельзя было и ожидать». С этого года, в связи с разрешением мирным и не мирным горцам посещать Екатеринодарские ярмарки, привозить свои предметы и товары в пограничные станицы, и устройство временных базаров, обороты торговли с горцами на меновых дворах постепенно сокращаются, и почти совсем торговля прекратилась в 1846 г.

В 1846 г. существовали учрежденные по высочайшему повелению с разрешения командира отдельного Кавказского корпуса на территории Черноморского войска меновые дворы (Екатеринодарский, Редутский, Велико-Лагерный, Мало-Лагерный, Усть-Лабинский, Тенгинский, Темиргоевский, Махошевский) и меновые пункты (Константиновский, Антонов, Батоковский, Совиный, Подгорный, Александровский и Ново-Екатериновский).

С ростом русско-горской торговли становится очевидным несостоятельность войсковой торговой организации в виде меновых дворов, так как войсковая администрация не могла наладить и организовать оптовую закупку русских фабричных товаров из первых рук, а приобретала их у местных торговцев, что естественно,

очень сильно повышало их цену.²⁴ Выход из сложившегося положения виделся войсковой администрации в отдаче меновых дворов в откупное содержание с последующим избавлением от связанных с черкесской торговлей хлопот и неприятностей. Тем более, что откуп должен был дать войску гораздо больший и при этом верный доход.

По предписанию Главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом, 16 июня 1849 г. войсковым правлением был заключен контракт, в виде опыта на 8 лет, с отставным войсковым старшиною А. Л. Посполитакки на принятие им в откупное содержание всех находившихся в Черноморском войске меновых дворов и пунктов на определенных условиях, содержащий 18 пунктов.²⁵ Посполитакки был одновременно откупщиком винной монополии, рыболовных угодий, соляных промыслов, мануфактурной торговли и почтового дела. Этот крупнейший ростовщик и беззастенчивый делец оказывал давление даже на высшее начальство. Бороться с ним было не по плечу даже и войсковой администрации, а мелкие чиновники и торговцы всецело от него зависели.

Период трехлетней торговой монополии Посполитакки оставил по себе мрачную память. Он не знал удержу и грани своему произволу. Он выговорил себе право открывать новые меновые пункты, получал кредиты из войсковых сумм, пользовался станичными пастбищами для лошадей и волов своего торгового транспорта, требовал выставления вооруженной войсковой охраны к своим складам.²⁶

Пользуясь отсутствием над собой какого бы то ни было контроля, он буквально грабил адыгские племена при обмене. На него стало поступать огромное количество жалоб как от горцев, так и от русского населения. Чтобы смягчить создавшееся положение, недалеко от Екатеринодара у Елизаветинской батареекки был открыт новый меновый двор, который охотно посещали горцы, и на него не распространялись арендные права Посполитакки.

В 1851 г. откупное соглашение Посполитакки потеряло силу, так как меновая торговля с горцами на Кавказе была прекращена и торговые сношения с ними особым правительственным распоряжением были объявлены свободными. Как и следовало ожидать, падение торговой монополии Посполитакки, благотворно сказалось на торговых сношениях горцев с русскими. Горцы снова начали привозить свои товары на русские базары и покупать на них фабричные изделия, соль, скот. В октябре 1852 г. они привезли на Екатеринодарскую ярмарку своих товаров на 11630 рублей серебром, а купили русских товаров на 5337 рублей серебром.²⁷

Таким образом, как и прежняя система меновой торговли на базе войсковой монополии, так и откупная система к пятидесятым годам XIX в. были уже не состоятельными. Они не могли противостоять проникновению капиталистического торгового предпринимательства.²⁸

Наряду со старыми (меновая) формами торговли, появляются новые – ярмарочная, базарная. Архивные документы освещают такие формы торгово-экономических контактов горских народов с Россией, как откупная система, использование векселей в качестве платежного документа, кредито-ростовщические сделки между русскими и горскими купцами и предпринимателями, использование русскими купцами широкой сети скупщиков.

Под влиянием постоянно укрепляющихся торговых связей с Россией росли торговые центры Северо-Западного Кавказа, основной базой которых стали военные укрепления и порты (Анапа, Геленджик, Новороссийск, Ейск, Армавир, Усть-Лабинск, Екатеринодар). Они являлись известными и признанными центрами как внешней, так и внутренней, в частности адыго-русской, торговли.

Примечания:

- ¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф.249. Оп.1. Д.958. Л.105
- ² Полное собрание законов Российской империи(ПСЗРИ). Собр.2. СПб., 1831. Т.5. Отделение 1. С.356-357
- ³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1875..Т.7. С.891
- ⁴ АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. С.835
- ⁵ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1471. Л.1, 10
- ⁶ Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 г.г. // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1902. – Т. 8. – С.462
- ⁷ АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. С.643
- ⁸ Там же. С.850

⁹ Там же.

¹⁰ Шамрай В. С. Указ. соч. С.463

¹¹ АКАК. Тифлис, 1881. Т.8. С.644

¹² Российский Государственный военно-исторический архив. (РГВИА). Ф.ВУА. Д.6247. Л.8

¹³ ГАКК. Ф.324. Оп.1. Д.176. Л.47-50

¹⁴ Там же. Л.9-И

¹⁵ Там же. Ф.687. Оп.1. Д.91. Л.2

¹⁶ ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.343. Л.11

¹⁷ Там же. Д.343. Л.82; Д.376. Л.1, 9, 135, 140

¹⁸ Там же. Д.376. Л. 1,62

¹⁹ Там же. Ф.324. Оп.1. Д.215. Л.49-68

²⁰ Там же. Ф.249. Оп.1. Д.1478. Л.24, 28, 55, 56, 127, 136

²¹ ГАКК. Ф.324. Оп.1. Д.370. Л.3-4

²² См.: Собриневский А. С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске //Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т.4. С.21

²³ Шамрай В. С. Указ. соч. С.392

²⁴ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1451. Л.314

²⁵ Шамрай В. С. Указ. соч. С.406

²⁶ Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи.- Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957.-С. 78.

²⁷ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т.2. С.606.